

Глава 9. И моему мужу тоже одну наполни

—

Ду Хэн достал из свертка в комнате вышивальную иглу. Раньше он видел, как деревенские жители на солнечных террасах использовали такие иглы, чтобы выковыривать застрявшие в коже мелкие колючки.

— Где засело? Давай вытащу.

Он взглянул на руки Цинь Сяоманя: пожелтевшие от многолетнего труда, мозолей на ладонях было даже больше, чем у него самого. На тыльной стороне кисти и на пальцах виднелись черные точки – занозы. Кроме сегодняшних, свежих, были и те, что вонзились неизвестно когда и уже успели врасти в плоть.

— Сможешь вытащить?

Сяомань посмотрел на серебристую иглу. Он не боялся боли, но его поразило, что Ду Хэн способен на такую кропотливую работу.

— Рука, привыкшая писать, довольно твердая, так что проблем быть не должно.

Ду Хэн и сам никогда раньше не вытаскивал занозы, но и оставлять их так было нельзя: они зудели и болели, а со временем могли вызвать воспаление и инфекцию.

Цинь Сяомань кивнул. Колючки в пальцах и впрямь доставляли неудобства. Увидев, что Ду Хэн готов помочь, он тут же вложил свою ладонь в его руку.

Почувствовав тепло его грубых пальцев, Ду Хэн ощутил странное, непривычное волнение – это было совсем не то же самое, что трогать собственную руку. Кончики его ушей покраснели, и он поспешно склонил голову над занозами, скрывая смущение.

— С-с!

Палец Сяоманя невольно дернулся. Ду Хэн поднял голову и неловко посмотрел на него:

— Извини, я буду поаккуратнее.

— Тебе жарко?

— А?

— Лицо красное, как задница у обезьяны.

Ду Хэн негромко кашлянул:

— Просто наелся, вот и стало жарковато.

Сяомань закатил глаза, потер пальцы и снова положил руку на место.

Ду Хэн затаил дыхание, уверенно перехватил иглу, аккуратно подцепил кожу и вытащил занозу. Колючки сидели неглубоко – достаточно было чуть надорвать верхний слой, крови не было.

Сяомань, опустив глаза, наблюдал за тем, кто держал его за руку и так сосредоточенно трудился, словно мастер над резьбой по дереву. Он поджал губы. Этот человек был чудо как хорош собой, даже когда хмурился.

«Наши дети точно будут красавцами, — подумал он. — С такой внешностью не пропадут, легко найдут себе хорошие семьи. Раз уж он такой ладный, нельзя добру пропадать, надо родить побольше детишек...»

Пока Сяомань сидел не шевелясь, Ду Хэн, не переводя дыхания, вытащил еще несколько штук. Убедившись, что больше ничего не колет, он с облегчением выдохнул.

— Готово. Есть еще?

— Иметь троих детей - это лучше всего.

— Что?!

Сяомань пришел в себя:

— О, я про то, что всё, закончили.

Он потер ладони друг о друга - больше ничего не мешало и не кололо. На лице его расцвела улыбка. Наконец-то это мелкое, противное неудобство исчезло.

— Ты такой хороший!

Ду Хэн улыбнулся и убрал иглу, подумав, как легко порадовать этого ребенка:

— И всего-то?

— Конечно! — радостно ответил Цинь Сяомань, изображая вежливое выражение лица: — Спасибо, муж!

Ду Хэн посмотрел на него - тот сидел, вздернув подбородок и лучезарно улыбаясь. Ду Хэн кашлянул, отвел взгляд и тихо произнес:

— Не зови меня так.

Услышав это, Сяомань нахмурился и недовольно буркнул:

— Что значит «не зови»? Если не «муж», то как — «хромым» прикажешь величать?!

Ду Хэн не стал спорить с внезапно ощетилившимся гером. Ради «экстренного спасения» он встал:

— Пойду уберу иглу.

Сяомань вскочил следом и сердито выхватил иглу из его рук:

— Кто просил тебя убирать!

Фыркнув, он в сердцах ушел в главную комнату. Ду Хэн с обреченным видом смотрел ему вслед; Сяомань долго не выходил обратно.

Решив, что тот просто капризничает, Ду Хэн не пошел нарываться на неприятности, а высыпал подготовленные каштаны в котел вариться. Когда они сварились, он выловил их и разложил сушиться – завтра, если их еще раз обжарить, они будут сладкими и мягкими.

Прибрав на кухне, он занес жаровню в свою спальню, чтобы прогреть её, а затем набрал воды для ног. Заметив, что Сяомань так и сидит в своей комнате, он позвал:

— Сяомань, будешь греть ноги?

Хотя тот уже мылся, перед сном парить ноги полезно – будет теплее спать. Ответа не последовало. Ду Хэн подумал: неужели он всё еще злится?

Он всё же решил пойти проверить – уж слишком обидчивым оказался этот ребенок. Ду Хэн постучал в полуоткрытую дверь, но ответа снова не было.

— Раз молчишь, я вхожу.

Прихрамывая, он вошел внутрь и увидел Сяоманя: тот лежал на животе прямо поверх одеяла. Он заснул прямо так, даже не укryвшись, свесив ноги с края кровати.

Ду Хэн покачал головой. Он осторожно снял с него обувь и переложил его поудобнее. Видимо, работа в горах совсем его измотала, а плотный ужин окончательно сморил. Сяомань даже не проснулся, когда Ду Хэн его двигал.

Он укryл этого человека, который злился меньше пятнадцати минут, одеялом и подоткнул края. Когда Ду Хэн наклонился, чтобы поправить одеяло сбоку, Сяомань смутно открыл глаза и увидел склонившуюся над ним фигуру.

— Папа, ноги мерзнут...

Ду Хэн замер, глядя на Сяоманя, чьи глаза были едва приоткрыты.

— Ноги мерзнут...

Слушая этот сонный лепет, Ду Хэн легонько похлопал его поверх одеяла:

— Сейчас наполню тебе грелку, спи.

Кажется, Сяомань услышал. Он что-то пробормотал, повернулся и добавил:

— И моему мужу тоже одну наполни.

Ду Хэн замер, приоткрыл рот, но так ничего и не сказал. Он еще раз подоткнул одеяло и пошел на кухню за водой для грелки.

Наполнив грелку, он принес Сяоманю жаровню с углями, поставил её в комнате, плотно закрыл окно и вышел, притворив дверь. После всей этой суеты вода для его собственных ног уже почти остыла.

Он помылся как пришлось. Сняв обувь, он посмотрел на свою больную ногу: изгиб был неестественным, у лодыжки торчал костный бугор. На ощупь это место было твердым и болезненным, будто кость сместилась. Он не знал, можно ли это вылечить. Будь это современная медицина, он бы так не волновался, но нынешние условия вызывали серьезные

опасения.

Ему очень хотелось выздороветь – не только из-за чужих взглядов, но и потому, что с больной ногой жизнь превращалась в пытку. Он опустил ноги в воду, и ему стало гораздо легче. Когда-то его ноги были в порядке; если бы не та драка за еду, он бы не стал хромым. Память о том, как тяжела жизнь нищего, всё еще была свежа. Он поднял голову и тяжело вздохнул.

На следующее утро Ду Хэн встал рано. Дождя больше не было, но зимние рассветы поздние, и на улице стоял серый туман. Сяомань уже ушел.

Крестьяне привыкли вставать до зари – эта привычка осталась с жаркого лета: уходить на работу в поле, пока темно, а когда взойдет солнце – возвращаться на завтрак. Если проспичь, придется работать под палящим солнцем.

Не найдя Сяоманя в доме, Ду Хэн привычно пошел на кухню. Мясо с соленьями еще осталось, так что он замесил тесто и нарезал лапшу. Поставил воду греться – когда Сяомань вернется, останется только бросить её в кипяток.

Но время шло, уже совсем рассвело, а того всё не было. Скотина в загоне начала требовательно кричать. Ду Хэн выпустил птицу и покормил её. Он хотел было сварить корм свинье, но в доме не осталось травы. Видимо, Сяомань с утра пораньше ушел именно косить траву. Оставалось только ждать.

Думая, чем бы заняться, он случайно задел ногой деревянный таз. Опустив глаза, он увидел в нем одежду, которую Сяомань снял вчера после ванны. Она уже лежала в воде с мыльным корнем.

Ду Хэн замер.

«...Неужели мне придется еще и стирать его вещи?»

«Свои вещи каждый должен стирать сам!»

Но если он стирает... Ду Хэн отошел на несколько шагов. И что это будет значить? Стирка – дело обычное, он и сам себе всегда стирал. Он негромко кашлянул. Зимой одежда сохнет долго; если не постирать сейчас, пока нет дождя, Сяоманю скоро будет не во что переодеться. К тому же, нет ничего зазорного в том, что старший стирает за младшим.

Ду Хэн подлил в таз горячей воды и принялся тереть одежду. Этот парень вчера лазил по деревьям под дождем: одежда была не только мокрой, но и сильно испачканной. На этой рабочей одежде уже красовалось две заплатки.

Ду Хэн долго оттирал пятна грязи и мха. Он выжал рубаху и бросил её в ведро. Когда он принялся за штаны, на поверхность всплыли белые короткие исподние штаны.

«.....»

Ду Хэн уставился на грязную воду. Он быстрым движением выловил исподнее. Держа его двумя пальцами, он почувствовал, как лицо начинает гореть. Он отвел взгляд и быстро сунул их обратно в ведро, решив просто прополоскать для вида, но, глядя на грязную воду, не выдержал. Вздохнув, он всё же набрал чистой горячей воды и замочил исподнее отдельно.

Он стирал, зажмурив глаза, и сам не знал – то ли от пара лицо покраснелось, то ли от

смущения...

Когда Цинь Сяомань вернулся с огромной корзиной свиной травы за спиной, Ду Хэн на кухне уже обжаривал каштаны. Корзина была в три раза больше самого Сяоманя, гора травы была такой тяжелой, что спина была согнута, как спелый колос риса.

— Я вернулся!

Ду Хэн вышел из кухни и поспешил на помощь:

— Зачем столько набрал!

Сбросив корзину, Сяомань размял плечи и с гордостью сказал:

— Я вчера шел по тропинке в горах и увидел, что на восточном склоне полно дикой травы, которую свиньи едят. Вот сегодня с утра и сходил накопить. В поле корма почти не осталось, если не мешать с дикой травой, корма на зиму не хватит.

Ду Хэн заметил:

— На Новый год ведь многие забивают свиней. Если корма мало, можно ведь и забить.

Сяомань рассмеялся:

— Ты уже о новогоднем мясе мечтаешь? Но даже если мы эту забиваем, всё равно нужно покупать поросенка и растить дальше.

В этот момент капля воды упала Сяоманю прямо на лоб. Он вытер лоб, поднял голову и увидел на веревке под навесом свою вчерашнюю одежду. Его глаза округлились:

— Ты... ты постирал мои вещи?

— Они долго лежали в воде, могли закиснуть. Как раз была горячая вода, вот я заодно и постирал.

Сяомань расцвел:

— Какой же ты добродетельный*!

[*贤惠 (xián huì) — это китайское прилагательное, описывающее добродетельную, мудрую, хозяйственную и заботливую женщину/жену. Включает умение вести домашнее хозяйство, поддерживать мужа и обладать высокими моральными качествами.]

Ду Хэн не стал обижаться на это слово. Он посмотрел на юношу, который в отличном настроении потирал живот и собирался идти на кухню:

— Что у нас на завтрак? Ты разогрел вчерашнее мясо? Я бы еще поел!

— Сяомань.

Ду Хэн всё же окликнул его. Сяомань обернулся:

— Что случилось?

Ду Хэн помедлил, а затем указательным пальцем указал на висящее исподнее:

— В следующий раз вот это стирай сам.

Сяомань нахмурился и хотел было выпалить: «Раз уж всё остальное постирал, что тебе, этого кусочка ткани жалко!». Но, поняв из слов Ду Хэна, что остальное тот готов стирать за него, он обрадовался. Смягчив тон, он ответил:

— Ладно уж, сам так сам. Давай скорее, я проголодался, пора есть!

— И еще...

Сяомань увидел, что Ду Хэн придержал его за запястье:

— Ну что еще?

Ду Хэну было трудно это говорить, но, помня, что маленький папа Сяоманя умер рано и его, скорее всего, некому было учить таким вещам, он всё же сказал:

— Впредь не бросай это в общую кучу с грязной одеждой. Когда моешься, сразу стирай в горячей воде и вешай сушиться на солнце.

— ...Это еще почему?

— Просто делай, как я сказал.

Сяомань нахмурился, но тут же усмехнулся.

«Прошло всего несколько дней, а он уже ведёт себя как властный мужчина».

Он с улыбкой поплелся вслед за Ду Хэном:

— Буду делать всё, как ты скажешь, идет?

—

<http://bllate.org/book/14888/1324407>